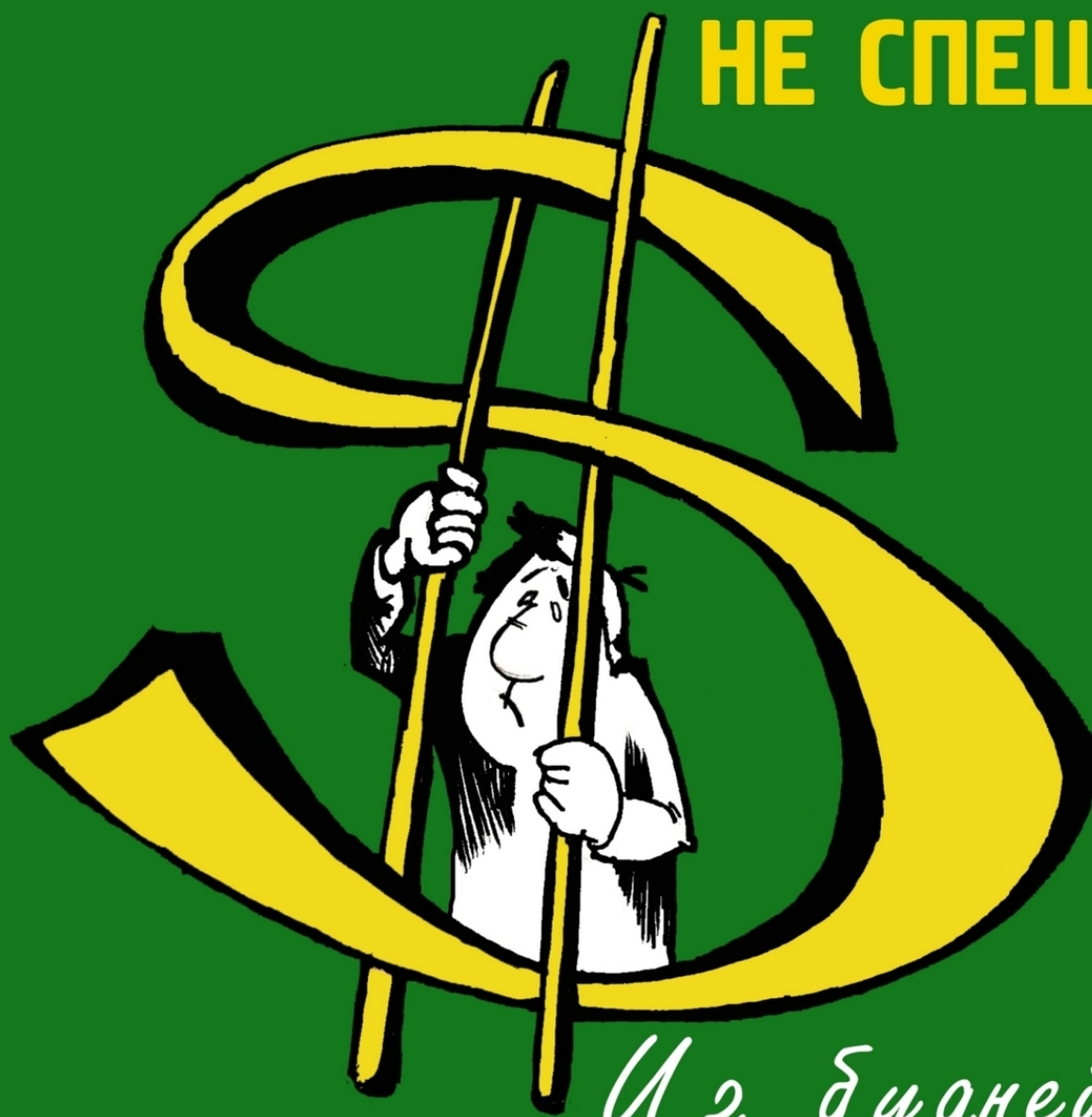

Сергей Прокопьев

ОТ ГУДЗОНА
ДО ИРТЫША
КРЫША ЕДЕТ
НЕ СПЕША

*Из будней
русского гастарбайтера*

16+

Сергей Прокопьев

**От Гудзона до Иртыша
крыша едет не спеша**

«ЛитРес: Самиздат»

2004

Прокопьев С. Н.

От Гудзона до Иртыша крыша едет не спеша / С. Н. Прокопьев —
«ЛитРес: Самиздат», 2004

Книга в ироническом ключе повествует о весёлых и драматичных, смешных и не очень приключениях русского в Америке. Советский инженер, он и в гастарбайтерах мастер на все руки: горничная и грузчик, маляр и мойщик окон небоскрёбов... В последней должности стал свидетелем обрушения башен Всемирного торгового центра 11 сентября 2001 года.

Содержание

Сергей Прокопьев	5
Астраханская встреча	5
Последний звонок	7
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Сергей Прокопьев **ОТ ГУДЗОНА ДО ИРТЫША** **КРЫША ЕДЕТ НЕ СПЕША** **Из будней русского гастарбайтера**

Астраханская встреча

– Самолёт – не телега-колымага, – говорил пройда от авиации Гоша-пилот, – грузы по самое не могу – крылья не отвалятся!

В тот раз везли шопинговый товар из Эмиратов: ковры, ткани, теле-видео-техника... Двадцать пять купцов-туристов, на круг без малого по тонне на каждого. Растаможка в Сочи, куда из Омска прилетел за земляками чартером Ту-154. Грузовой отсек у лайнера скромных размеров, зато пассажирский – грузы, не хочу! Первый салон под завязку утрамбовали. Хорошо, у экипажа персональный вход с улицы. Во втором оставили для себя щелочку – как-то просачиваться. Крупногабаритным экземплярам и «как-то» никак. Гена Сватов и так и сяк, а ни с места!

– Эх, дубинушка, ухнем! – грянул наш герой Миша Прянишников песню коллективного подряда. – Животы подтянем да ухнем!

– Втянуть жировые отложения! – скомандовал старший группы, Боря-волейбол.

Он на самом деле волейболист классный. Фигура соответствующая – поджарый, жилистый, ему нечего втягивать, а Гена Сватов широкофюзеляжный, хоть втягивай, хоть не втягивай, всё равно как на девятом месяце. Худые сотоварищи подналегли, таранным способом, миллиметр за миллиметром, протолкнули компаньона к креслам.

– В следующий раз, – пригрозил Боря-волейбол, – только грациозных беру, целлюлит тормозит оборачиваемость капитала.

– Не надо грязи – не возьмёшь! – упал в кресло негабаритный Гена. – Посмотрим, что в Омске на разгрузке петь будешь!

Надо отдать должное, Гена на погрузке-разгрузке за троих ворочал. Мышцы среди его жировых отложений тоже имелись.

А что касается «пения», оно по другому поводу возникло. Значительно раньше Омска.

Самолёт взлетел, взял курс на восток. Да не успели купцы-туристы размечтаться о заслуженном отдыхе в Омске, как пилоты по громкой связи порадовали проблемой. На пути в Сочи ветер дул в лоб, двигатели, пробивая сопротивление, работали на полную катушку, соответственно и горючего сожрали больше, на остатках до Екатеринбурга не долететь, где собирались дозаправляться. Надо заправиться раньше в Астрахани.

Надо – так куда денешься. Заказчики рейса, наши шопинговые туристы дают добро.

Две недели назад, на берегу иртышском, всё было обговорено, оплачено.

Всё да не всё. После приземления в краях чёрной икры и астраханских арбузов пилоты вызвали старшего группы. Боря-волейбол вернулся с экономическими требованиями экипажа: пять тысяч долларов на дозаправку. То есть по двести с носа.

– А соли не надо? – спросил Миша, и все грохнули.

Это была коронная шутка поездки. Смаковали всю дорогу.

По заведённому порядку на третью ночь после прилёта в Дубай, когда сделаны и оплачены заказы, начинается доставка товара, омский торговый люд назначал праздник урожая. Бизнес бизнесом, но не одним долларом жив человек, праздник для души тоже нужен. Днём

какой праздник – работа, да и жара, тогда как ночью самое время. Эмираты – страна трезвая, посему спиртным затаривались заранее – в аэропорту, в лавке свободной торговли. Стол ломился в тот раз от парадного построения бутылок и горы закуски. Предварительно сгоняли на рынок: креветки, зелень, лимоны, апельсины...

И вот омичи в радостном возбуждении ведут последние приготовления перед стартом, и вдруг стук в дверь.

По земному шару шёл 1998-й год. Страну чрезмерного количества углеводов и шейхов на единицу населения заполнили ночные бабочки из России, которые предоставляли возможность потомкам бедуинов познать загадочную русскую душу не по романам Достоевского. Спрос на данный метод познания не отставал от предложений. Бабочки прилетали в Эмираты туристками, селились в отелях и, не выходя из оных, развивали горячую деятельность для создания первоначального капитала, дабы потом, выбравшись из гостиницы наружу, развернуть бизнес на полную катушку.

Наша компания в тот вечер собралась в номере, сделанном под нужды араба, путешествующего с походным гаремом. Три спальни: две двухместные, одна – одноместная, огромная гостиная, большая кухня.

Миша готовил креветки на кухне, когда в дверь номера постучали.

Боря-волейбол открыл дверь, а за ней два араба в национальных головных уборах. Увидели мужчину и поспешно сказали:

– Сори.

То есть – глубоко извинились на английском. Желали увидеть белокурую, пышущую энергией ночи девицу, вместо неё – усы и волосатая грудь. Люди культурные, вежливо сказали «сори». На что Боря крикнул в номер:

– Мужики, тут арабы соли просят, у нас есть лишняя?

После лингвистического казуса старшего по делу и без того подначивали: «Боря, соли не надо?»

Вот и на требование экипажа ответили хором:

– А соли не надо?

– Всё бы вам зубоскалить! – сказал Боря-волейбол, к юмору был не расположен. – Экипаж наезжает скинутая по двести баксов.

– Что за фантики? – отбросив смешливое настроение, завозмутился народ. – Мы купили самолёт, за всё уплачено!

И хором выдохнули:

– Нет денег!

Лукавили купцы-туристы, стреляные птицы, не с пустыми карманами возвращались. Шопинг дело такое, тому дай, этому отстегни. Электронные карточки ещё не вошли в жизнь, господствовала наличка.

– Так и передам! – не обиделся за непослушание группы Боря и разрешил выйти за пределы воздушного судна, покурить. При этом добавил: – Толстым сидеть! Остальным можно опраться! И думайте, пилоты не шутят.

Последний звонок

Аэропорт в пяти минутах ходьбы. Миша решил икоркой разжиться. Продавали дефицитный товар не в буфете, а в туалете. Да-да-да, автор не ошибся. Именно в туалете. Без дискриминации по половой принадлежности – как в мужском, так и в женском. Насчёт технологии купли-продажи в «Ж» Миша не знал, в «М» схема простейшая: встаёшь у писсуара, тут же тебе в ухо шепоток: «Икорочки не желаете?»

Отоварился Миша, вышел из торговой точки, совмещенной с санузелом, а навстречу с аналогичным приобретением в пластиковом пакете Таня Филиппова!

– Миша?!

– Таня!!

– Откуда?

– Из Эмиратов!

– Я из Турции!

Восемнадцать лет не виделись, а ёкнули сердца, что одно, что другое. Столько времени кануло в лету с последней встречи, столько событий произошло, а ожгло сердца, что женское, что мужское. «С любимыми не расставайтесь, с любимыми не расставайтесь, всей плотью порастайте в них...», – сказал поэт. Незримо проросшее однажды нередко не погибает после расставания... Вдруг заявит о себе...

– Ты как? Муж, дети?

– Дочь Маша. А ты?

– Сын. Не со мной... Я – один-одинёшенек.

Обменялись анкетными данными, обменялись телефонами.

– Обязательно позвоню! – пообещал Миша, ткнувшись на прощание сухими губами в женскую щёку. – У тебя же двадцать пятого июня день рождения! Помнишь, я притащил в подарок здоровенный мяч, рук обхватить не хватало. У циркача выпросил.

– Ага и пел: «Наша Таня громко плачет, уронила в речку мячик, тише, Танечка, не плачь, сдашь бутылки – купишь мяч!»

– Слушай, а ведь почти в это время был у нас в институте последний звонок...

В аэропорту среди астраханских степей стояло 23 мая 1998 года. А 25 мая 1979-го их пятый курс Казанского авиационного института, коротко – КАИ, огласил центр Казани колокольным звоном. Свобода! Позади девять сессий, штук сорок пять экзаменов, раза три по кругу загибай пальцы на руках и ногах – столько зачётов, курсовых, лабораторных ахнуло в историю...

Конечно, грусть-тоска имеет место: кончилась вольница, когда сам себе господин-хозяин по всем осям координат. Пару месяцев в году на сессиях поупирайся, между ними вовремя с курсовыми, зачётами рассчитайся, где честь по чести сдай, есть возможность слукавить, использовать шпаргалки или человеческий фактор – тоже пойдёт, победителей не судят. Ни о каких взятках преподавателям тогда и думать не могли. Самое большое – букет цветов от группы вручить преподавателю-женщине перед экзаменом, мол, мы вас особо уважаем, любим, будьте и вы снисходительны к нашим недоработкам. Технически вуз есть технический, особо не предашься лени, и всё же хватало времени на светскую жизнь: вечеринки, танцы, концерты, театры, свидания, гуляния до полуночи и дальше к утру... Бывало, в ресторан с друзьями... Родители далеко, пальцем не погрозят... А общага – дом родной, ночь-полночь примет, хлебца отыщет, чаем напоит.

И вот грянул последний звонок. Прощай свобода, пора подставлять шею под хомут – каждое утро к восьми на службу как штык, каждый день, хочешь, не хочешь, есть ли настрой или нет, будь на трудовом посту до самого вечера. Кончилась институтская вольница, когда

есть настроение – идёшь на лекцию, нет вдохновения – можно повернуться на другой бок и спать дальше...

Но с другой стороны – сколько можно студенческую мелочь по карманам гонять, пора открывать дверь в большую жизнь, брать карьерные высоты.

Для Миши последний звонок надолго остался в памяти яркой вспышкой. Душа на крылах счастья взмыла в восторженные высоты и парила несколько часов кряду. Ничего подобного в жизни не случилось до этого. Спрашивал потом ненавязчиво друзей, ту же Таню... Хорошо – да, весело – конечно, но чтобы восторг до седьмого неба... Мише будто витамин счастья вкололи.

Начался праздник общим сбором курса в актовом зале. Девчонки-заводилы выдали каждому герою торжества по рыбацкому колокольчику. Само собой, не с удочкой на берегу сидеть. И сувенир, и музыкальный инструмент праздника. С высоким голосом колокольчики тут же были опробованы – волна серебристого звона пошла по залу. Главный атрибут праздника – настоящий колокол – стоял на сцене. Свидетель многих последних звонков, он передавался по эстафете от выпуска к выпуску и голосисто служил каистам в заветный институтский день, оглашал Казань радостным звоном, возвещая об окончании студенческой жизни.

На трибуну вышел Юрий Васильевич Кожевников, декан, заведующий кафедрой прикладной математики, доктор наук, профессор. Невысокий плечистый, всегда серьёзный, погружённый в себя он вдруг заговорил возвышенным слогом:

– Студенчество – как белоснежное облако, сказочно проплывёт по жизни в солнечной выси и растворится за горизонтом... Лучшие стихи Александр Сергеевич Пушкин посвятил 19 октября, дню царско-сельского лицея, годам сердечной дружбы, любви, весеннему разливу эмоций...

В высоченные окна актового зала вламывалось солнце, утро было в разгаре. Парни, девушки заняли все первые ряды, человек сто двадцать каистов-именинников сидели с колокольчиками в руках, которые пребывали в нетерпении, просились в дело. Наконец на сцену вбежали два парня, проделали круглый шест в ухо колокола, подняли его, водрузили концы шеста себе на плечи... Славно послужил когда-то колокол речному флоту, оглашая сигнальной музыкой просторы Волги-матушки, а теперь приватизированный студентами с гордостью носил звание главного колокола институтской жизни.

Рука звонаря на секунду замерла в театральной паузе, а потом дёрнула за верёвку, язык ударил о купол, раздался первый звук последнего звонка, а за ним грянуло многоголосое энергичное:

– Ура!!!

И зачастили, захлёбываясь от нетерпения, колокольчики, разом вознесённые над головами каистов.

Именинники высыпали на центральную площадь города. Звалась она редким по тем временам именем – площадь Свободы. Но времена были серьёзные: не шалтай-балтай-либераллссимус – никаких демонстраций, шествий, митингов. Подобные мероприятия проводились всего три раза в году – 1 Мая, 9 Мая и 7 ноября. И вдруг в будний день идёт несанкционированная толпа без флагов и портретов, зато радость через край... Надо сказать, не останавливала студентов милиция, не требовала прекратить безобразие, относились с пониманием – у студентов великий праздник. Кстати, никакой милиции и не было поблизости. У оперного театра стояла группа экскурсантов-иностранцев, похоже, западных немцев, им наговорили с три короба в родной ФРГ, дескать, в Советском Союзе строим все ходят, и вдруг из ряда вон выходящее явление социалистической действительности средь бела дня в городе, в котором имелись районы, куда им въезд категорически был запрещён.

День выдался высоким и безбрежным, он блистал солнцем, выгнутым небом, сочной листвой. Май передавал лету золотые, синие и зелёные краски, сверкающие молодостью. Под

звон колокола, который торжественно несли в авангарде шествия, каисты двигались от одного здания института к другому. Корпуса исторически официально звались «домами», висели соответствующие таблички: «Первый дом КАИ», «Второй дом КАИ»,... «Пятый дом КАИ». На русском и татарском языках. Маршрут был проложен не в возрастающем порядке номеров. Ближайший от «Первого дома» (главного, в нём кабинет ректора) был «Пятый», оба на улице Карла Маркса. Начали с «Пятого» (главного для их факультета), затем направились в «Первый», громко прошли по коридорам (у ректора не стали отмечаться, пусть спокойно работает) и взяли курс в направлении «Третьего». По пути был «Четвёртый», но он не представлял интереса – не учебный корпус в полном смысле этого слова – в здании бывшей кирхи находилась институтская аэродинамическая труба. Закончили обход «Вторым домом», доставшимся институту от художественного училища, о чём говорила огромная статуя Геракла, возлётшего во весь огромный, метра четыре, рост на невысоком постаменте в просторном вестибюле. Почесать пятку античному герою считалось хорошей приметой. По состоянию пятки читалось, каистам суеверие было не чуждо – чесали её студенты без устали.

Ввалившись в очередной «дом», именинники не жалели глоток, кричали победные возгласы. Как же – первая и последняя возможность нарушить сумасшедшим «УРА!» тишину храма науки на законных основаниях, огласить стены, среди коих пять лет поджилки тряслись на экзаменах. А тут открывай ногой дверь в любую аудиторию, пусть там хоть сам ректор читает лекцию, и ори фирменный институтский лозунг: «КАИ – пуп Земли!» Кроме восторженных аплодисментов, другой реакции быть не могло. С завистью смотрели те (студенты), кому ещё предстояло не один год учиться до сумасшедшей свободы, с завистью смотрели и те (преподаватели), кому уже никогда не испытать её.

В садике Горького (в Казани скверы называются садиками) на лавочке сидел дедушка ветхого состояния, профессор Герасимов.

– Профессору Герасимову ура! – закричал кто-то.

– Ура! – подхватила толпа. – Ура!

Миша после третьего курса был на практике на заводе Электронных вычислительных машин, его заводской куратор, Александр Михайлович Тихомиров, поведал, как в начале пятидесятых годов сдавал математический анализ отцу и сыну Герасимовым. Понятное дело, на экзамене студенты как разведчики в тылу врага, любая мелочь может выдать тебя, любая мелочь может выручить, посему зри в оба глаза, на ус мотай. Во время подготовки к ответу Тихомиров заметил – больше народу к отцу идёт, значит, сегодня добрее отпрыска. Понятно – к кому пошёл сдавать студент. Ответил по билету. Начались дополнительные вопросы. Сын-профессор тоже подошёл.

– С двух сторон как зажали в тиски! – вспоминал Тихомиров. – Как давай по всему курсу гонять. Запудрили голову, а я полночи не спал, последние лекции читал, разволновался. И понёс на автопилоте отсебятину. «Хватит! – сын резко тормозит. – Три разделить на два сколько?» Совсем, думаю, за долбика считают. Ведь не делится. И ляпнул: «Три на два не делится!» Да с вызовом, дескать, нечего из меня принародно дурака делать. Отец Герасимов как шархнет кулаком по столу: «Издеваться надо мной – советским профессором! – вздумали?» И с неудом выгнал.

Отец давным-давно умер. И сын уже не читал лекции. А были они дореволюционной школы. С каким уважением раскланивались при встрече со своими даже самыми желторотыми студентами. Если, выходя из института, Герасимов (и один, и другой) в дверях сталкивался со студенткой – не только галантно придерживал дверь, пропуская слабый пол. Это само собой. Он возвращался через весь тамбур до внутренней двери, чтобы открыть её перед барышней. Только после этого выходил из здания. Мише доводилось наблюдать этот, как он считал тогда, «музей».

Герасимов со скрипом поднялся с лавочки, поклонился орущим студиязам.

У «Второго дома» встретили профессора Банникова. Экономiku читал.

– Банникову ура! – раздался из толпы студентов возглас.

– Ура! – с радостью подхватила толпа.

Банников шествовал с молодой женщиной, засиял довольный.

Но студенты не могли не отмочить номер.

– Мунчанникову ура! – выкрикнул из толпы провокатор.

– Ура-а-а! – взорвалась с ещё большим энтузиазмом толпа.

Баня по-татарски – мунча. В студенческом переводе истинно русская фамилия приобрела местный колорит. По аналогии преподавателя Рахматулину звали за глаза Спасибочкина, так как спасибо по-татарски – рахмат.

Банников-Мунчанников был человеком с юмором. Расхохотался и погрозил пальцем озорникам.

Часа два каисты оглашали победным звоном славный град Казань, улицы Горького, Толстого, Карла Маркса. Закруглили звонкий маршрут у своей общаги под номером один, расположенной на Большой Красной. Расходиться не хотелось. Ой как не хотелось, так бы и ходить и ходить. Кто-то крикнул призывно:

– Айда в ресторан!

Тут же нашлись скептики – белый день на дворе! Однако не окончательные скептики, за вечерний ресторан проголосовали единогласно. Скинулись по десятке, хорошие деньги для того времени, это уже с коньяком. Девчонки-заводилы взяли на себя оргзаботы по увеселительному объекту.

Миша поднялся в свою комнату на четвёртый этаж, упал на кровать, закрыл глаза, душа взмыла и полетела по только что пройденному маршруту, повторяя пережитое...

Застольная часть последнего звонка праздновалась в ресторане «Лето», что расположил свои увеселительные площади в парке имени Горького. Там-то и познакомился Миша с Татьяной. Пять лет учились в параллельных группах, сотни лекций в одних аудиториях прослушали, но... Зазвучало танго, да не вовремя – у Миши полон рот азу по-татарски. Только в те весенние годы гастрономические радости были не на первом месте, в темпе прожевал, окидывая взглядом стол – с кем танцевать? Вблизи одна Татьяна. Так вышло: за пять лет ни миллиметра взаимного интереса. Ни личного, ни безличного. Кроме дежурных «здравствуй – здравствуй» – никаких контактов за все годы. А тут делать нечего – пригласил Татьяну. И сходу удивил её, определив духи, которыми благоухала сокурсница:

– «Клема» ведь.

– Ну, ты даёшь! – улыbnулась Татьяна.

Дорогушие, едва ни всю стипендию угрохала девушка на первые в своей жизни французские духи. Тогда не знали, что такое контрафакт ни в магазинах, ни в аптеках – настоящие французские, сказочного аромата. Продавали «Клема» всего лишь одном магазине на улице Баумана.

К следующему танго Миша поторопился с жеванием, ускорил работу челюстей, дабы Татьяну не увели. Потом было прохождение по ночному парку, гуляние по городу. В Казани светает рано, астрономическое время неподвластно декретному, по последнему ещё ночь, а солнце по первому восходит, к Таниному дому подошли в четвёртом часу, уже засветло.

И вдруг начали в подъезде обвально целоваться. Миша плюнул на мужское самолюбие, которое часа два опасалось получить щелчок по носу: «Ты что?! Мы ведь товарищи!»

Столько времени потеряли...

– Ты такой ласковый! – шептала Татьяна.

И снова губы сливались на долгие-долгие минуты.

Было нежно, красиво, романтично и...

Уснули под утро, и вдруг звонок. Теперь уже не последний, из разряда дверных.

– Отец, – сказала Таня.

– Что делать? – ёкнуло сердце у Миши.

– Разоспались мы с тобой. Спокойно, я сейчас открою. Он никогда не заходит ко мне в комнату. Это исключено. Лежи тихо, папа уснёт и уйдёшь.

Таня накинула халат, выскользнула за дверь и тут же вернулась с Мишиными туфлями, сунула их под кресло. Ободряюще улыбнулась, снова исчезла.

– Доброе утро, – раздалось в коридоре

– Доброе! Я ещё посплю.

– Хорошо, Таня.

Миша оглядел комнату, в углу стоял полномасштабный трёхдверный шкаф, может быть даже дубовый. «Вот где можно залечь», – весело подумал Миша и вспомнил дальнего родственника дядю Митю.

Таня вернулась, плотно закрыла дверь за собой. Легла в халате рядом.

– Папа у меня интеллигент, – зашептала прямо в ухо, – не хуже профессора Герасимова, хоть и рабочий, но тоже профессор в своём деле и заслуженный рационализатор. Я чуть подросла, он перестал заходить ко мне в комнату. Класса с четвёртого.

Они тихонько поднялись, оделись, в квартире стояла тишина.

– Уснул, – шёпотом сказала Таня, – он с ночной смены.

– А мать где?

– В Ленинграде у сестры.

Наконец, они выскользнули из квартиры.

– Провожу тебя до остановки, а потом в магазин пойду.

Миша, хохоча и дурачась, рассказал о дяде Мите.

Сельский родственник дядя Митя был фронтовик, с войны вернулся в двадцать один год, с руками и ногами. А в селе одни женщины. Пользовался успехом. И они у него. Война уже лет пятнадцать как закончилась, но взаимные симпатии не ослабевали. Миша любил дядю за весёлый нрав, всегда с улыбкой, всегда на позитиве, любил повторять «живы будем – не помрём» и говорил частенько «ёк-мокарёк». От Миши никогда не отмахивался, катал на мотоцикле, на лошади, брал с собой на рыбалку, одним словом, классный дядя. И жена его, тётя Вера, тоже хорошая. Поила парным молоком, нальёт стакан, Миша выпьет одним махом, рукой губы вытрет:

– Ещё, – засмеётся тётя Вера.

Миша головой мотнёт и второй стакан, теперь уже не торопясь, опорожнит.

Тётя Вера увлечения дяди Мити женским полом не разделяла. В тот раз ей донесли: муж к почтальонке нырнул.

Тётя Вера схватила Мишу за руку, тому шесть лет тогда было.

– Пошли за этим шельмецом!

Тётя Вера летит как на крыльях, Миша едва за ней поспевает.

Залетели во двор к почтальонке.

– Зови громко дядю! – наказала тётя Вера.

Решила племянником устыдить мужа. Миша давай звать:

– Дядя Митя! Дядя Митя!

На крыльцо выскочила почтальонка:

– Ты что ребёнка приплела? – пошла в атаку.

– Где он?

– Нет никого!

Тётя Вера отстранила соперницу и, таща Мишу за собой, влетела в рублённые сени. И уже собралась открывать входную дверь в дом, но вдруг женское чутьё бросило к двери в кладовку, рванула ручку на себя, а там...

– Дядя Митя? – удивлённо произнёс Миша, увидев пропавшего.

На что обнаруженный бросил руку к виску, хотя был без головного убора, браво представился:

– Дядя Митя – это я!

С тех пор его частенько звали в деревне «Дядя Митя – это я». Прилипло прозвище. Ни дядя Митя, ни Миша, ни тётя Вера не распространяли по селу эту историю. Почтальонка мстительно разнесла, рассказывая всем подряд, как «Верка бегаёт за своим Митькой, который ей (почтальонке) даром не нужен, попросила мужика радио починить». И добавляла при этом: «Кого просить-то мне, Верку что ли?»

– Ты что, ничего не понимал, когда звал: «Дядя Митя!» – смеялась Таня, слушая рассказ.

– Я ещё в школу не ходил. Тётя Вера сказала: «Водку у почтарки опять пьёт, а ему нельзя – контуженный». Я и шёл вызволять дядю Митю из водочного плена.

...Закружила их чувство. В июне была последняя сессия. Прошла в полусне. Каждый вечер ехали на электричке на дачу к Тане, чтобы за полночь вернуться в Казань на попутках, ухватить немного сна: Тане – дома, Мише – в общежитии, а днём снова сидеть вместе в читальном зале над конспектами с одним желанием: скорее бы вечер.

Оно, само собой, дело молодое. Тем более, герои уже не в возрасте Ромео и Джульетты. По двадцать два года обоим. Но жениться Миша не хотел. Любовь любовью, а, казалось, куда спешить. Тянуло к Татьяне. Ох, как тянуло. Она писала диплом в Казани, он – в Омске, куда получил распределение. Заваливали друг друга письмами. Два раза Миша прилетал в Казань, один раз – Татьяна в Омск.

Но в плане женитьбы Миша уклончиво предложил, когда получили дипломы:

– Давай подождём.

– Долго? – спросила она.

– Давай подождём, – уклончиво ответил он.

Татьяна обиделась. И через полгода выскочила замуж. Так сказать, назло бабушке отморожу уши.

Миша женился через два года. Особо не жалел, что с Таней не получилось. Первые годы отлично жили с женой. Однако когда летел в Казань на встречу с однокашниками на десятилетие после выпуска, страшно захотел увидеть Таню... Прошлое накрыло волной светлых воспоминаний... И захотелось повторения пройденного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.